

ОБРАЗ ВРАГА В НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙНАХ: ПРОПАГАНДА, ВОСПРИЯТИЕ, ПАМЯТЬ

*М.З. Монтес**

ВРАГ И ГРАНИЦА. ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА «ДРУГОГО»¹

Ситуация в Испании с 1807 по 1809 год

В 1807 г. граница между Испанией и Францией была четко определена: Пиренеи разделяли Иберийский полуостров и Францию. Но эта граница вскоре будет изменена под воздействием вооруженной силы и правовых документов. Согласно договору в Фонтенбло 1807 г., Испании и Франции предстояло поделить Португалию, которая играла ключевую роль в торговле Британии с Европой. Таким образом, армия Наполеона вошла на территорию Испании формально для того, чтобы оккупировать Португалию. На самом же деле французы таким образом осуществили скрытое вторжение в союзную страну. Испанский народ и часть армии не смирились с подобной ситуацией и начали совместную борьбу против французов. Первым ее актом стало восстание в Мадриде в мае 1808 г. После его поражения несколько преподавателей Королевской военно-инженерной академии в Алькала-де-Энарес в июне 1808 г. направились в Валенсию и Сарагосу, чтобы организовать оборону этих городов². Судьбе этих людей и, в частности, их жизни в плену посвящено настоящее исследование.

В том же 1808 г. началось восстание народа и армии Испании против французов. Что же было тому причиной? С октября 1807 г. по май 1808 г. население страны терпело немалые лишения от пребывания в ней фран-

* Мария Зозая Монтес, профессор университета Вальядолида.

¹ Хочу поблагодарить Одиль Бушо (Odile Bouchut, CDN) за информацию об архивах Нанси и их содержании, Хосе Марию Портилло (José María Portillo, UPV) за сведения о «мифе» Фердинанда VII, Хуана Зозая Стабелл-Хансен (Juan Zozaya Stabell-Hansen) за сверку перевода.

² Этот эпизод, в частности, то, что касается судеб военнопленных, изучен слабо. См. об этом: Sala M. Obelisco histórico en honor de los heroicos defensores de Zaragoza. Zaragoza, 1908. P. 131–147.

цузов. Необходимость снабжения наполеоновской армии истощила продовольственные ресурсы городов, через которые та проходила. К тому же пьяная французская солдатня нередко вела себя агрессивно по отношению к местным жителям, насилывала женщин. Ситуация усугублялась слухами о «похищении» французами законного короля Фердинанда VII. Жозеф Бонапарт, занявший испанский трон после так называемых «отречений в Байонне», воспринимался как узурпатор. По этим причинам в 1808 и 1809 гг. испанское население оказалось настроено крайне враждебно по отношению к наполеоновским солдатам. На большей части Пиренейского полуострова образ «Другого» – француза – в скором времени стал воплощением понятия «враг». Это восприятие только усиливалось в ходе войны, в частности, благодаря направленной против Наполеона пропагандистской кампании, которую проводила католическая церковь. Он изображался Антихристом и сравнивался с дьяволом, коего сопровождает «посланный зла» Талейран³. Французский и испанский менталитеты разделяло нечто гораздо больше, чем Пиренеи.

Образ «Другого»: религия против техники

У испанцев и французов было разное восприятие «Другого», ставшее некой ментальной границей между обеими странами. По моему мнению, испанские представления об этом образе «Другого» особенно хорошо выразил один из военных, находившийся тогда в Сарагосе. Это был Бальтасар Бласер, в июне 1808 г.⁴ – офицер казначейской службы, отец будущего военного министра 1853–1854 гг. Ансельмо Бласера. Он сражался во время первой осады Сарагосы с оружием в руках, о чем написал позднее, требуя от вышестоящего начальства соответствующих военных отличий⁵. Попав в плен, он затем бежал из Франции. Однако перед этим французы допросили его, и, на мой взгляд, показания Бальтазара Бласера весьма интересны для понимания того, какая пропасть разделяла тогда испанцев и французов.

В ходе допроса его спрашивали о Хосе де Палафоксе, командовавшем обороной Сарагосы, о чем Бласер позднее докладывал: «Вражеские

³ Presbítero Andaluz. *La bestia de siete cabezas y diez cuernos ó Napoleón Emperador de los franceses: exposición literal del capítulo XIII del Apocalipsis*. Málaga, 1808. P. VII, VIII, 3.; *Esdaile Ch.* *España contra Napoleón: Guerrillas, bandoleros y el mito del pueblo en armas (1808–1814)*. Barcelona, 2006. P. 147, 164; *Martínez-Radio E.* *Campesinos y cautivos en la Guerra de Sucesión y el ejemplo de “Almansa a Asturias” // Campo y campesinos en la España Moderna. Culturas políticas en el mundo hispano*. T. 2. León, 2012.

⁴ Archivo Municipal de Zaragoza [AMZ]: Box 08185; Signature 24-3/1-37; 24-3/8, 7r^o; 1808–1821.

⁵ AMZ: 24-3/8, 8r^o; 19 September 1821.

генералы задавали мне различные вопросы о поведении Вашего Превосходительства; они спросили меня, как Ваше Превосходительство обращалось с французскими пленниками. Я ответил: “Очень хорошо”. Насмехаясь, французы, продолжает Бальтасар Бласер, подвергали сомнению доблесть и патриотизм арагонцев и их командующего: «Они также спросили меня, “о чем думал этот форменный дурак, отказываясь сдать-ся императорским орлам”, на что я ответил, что и генерал Палафокс и город Сарагоса будут обороняться до последней капли крови». Насмешкам была подвергнута и вера пленного. По свидетельству Бласера, «французы насмеялись над ним», говоря, что у арагонцев «слишком много веры в Святую Деву Пилар, которая сделана из дерева», и утверждали, что «в скором времени уничтожат ее церковь и сожгут Сарагосу дотла» при помощи своих бомб, гранат и пушек, «после чего посмотрят, какие чудеса явит дева из дерева»⁶.

Полагаю, что этот фрагмент, демонстрирующий контраст между религиозной верой и верой в технику через метафору о деве из дерева, которая неспособна противостоять французской военной технике, наглядно показывает непреодолимое расстояние между мировоззрением испанцев и французов того времени. Он отражает различие между безоружными пылкими верующими и их противником – гражданами страны, в которой победило Просвещение и которая имела передовую военную технику и хорошо подготовленную армию. Французы вели войну, опираясь на свою военную мощь; испанцы им в таковой уступали, но зато обладали крепкой религиозной верой и чувством сплоченности в борьбе против захватчика. Все это демонстрировало контраст между мировоззрением традиционного общества и общества светского, сделавшего своими ценностями науку, технику и промышленное развитие. Подобный взгляд определял восприятие «Другого» – «французского врага» – как пришельца из совсем иного мира, несущего угрозу миру традиции и религии⁷. Население большинства испанских деревень питало лютую ненависть к французам и верило в необходимость сражаться с ними не на жизнь, а на смерть.

Необходимо отметить, что имелись также исключения. Во-первых, таковое составляла профранцузски настроенная элита («офранцуженные»), убежденная в том, что влияние Франции способствует прогрес-

⁶ AMZ: 24-3/8, 5vº; 19 September 1821.

⁷ Moliner, A. La imagen de Francia y de su ejército en Cataluña durante la guerra del Francés (1808-1814) // La imagen de Francia en España. P., 1997. P. 15–33.

сивному развитию их страны⁸. Во-вторых, в некоторых регионах, таких как Галисия или Леон, производ, творимый пьяными британскими войсками – союзниками по борьбе с Францией, заставлял местных жителей выдвигать такие лозунги, как «мы хотим под власть французов»⁹. Однако большая часть испанцев относилась к французам как к врагам, что нашло отражение и в многочисленных документах того времени, и в последующих исследованиях. Подобный образ французов был распространен в Испании во время всей войны и доминировал до самого ее окончания.

Фердинанд VII и его политика, направленная против «французского врага»

После окончания войны в 1814 г. новая государственная политика в Испании также способствовала утверждению образа французов как врагов. После возвращения короля в 1814 г. Фердинанд VII и парламент занимали именно такую позицию. Власти приняли решение о создании истории, способной служить дальнейшей борьбе против французского влияния¹⁰. Была предпринята попытка уничтожить память об официальных союзах, которые Испания заключила с Францией в 1807 и 1808 гг., – их объявили уловкой, предпринятой французами для обмана короля. В народных массах пропагандировался образ «легитимного» монарха Фердинанда VII (именуемого «желанным»), которого предал и похитил Наполеон Бонапарт¹¹. Король сделал все возможное, чтобы стереть воспоминание о тех договорах, которые он заключил с Францией, «обменяв» Испанию на пожизненную пенсию и другие блага, гарантировавшие ему мирную жизнь в достатке после вынужденного отказа от престола в пользу Наполеона¹². Подобное манипулирование историей имело

⁸ Artola M. Los afrancesados. Madrid, 1989.

⁹ Robledo R. William Bradford: viaje por España y Portugal. La Guerra peninsular. Salamanca, 2008. P. 27–29 со ссылкой на: Ormsby J.W. An account of the operations of the British Army. L., 1809.

¹⁰ Hocquelles, R. Una experiencia compleja. La guerra de la independencia a través de la trayectoria de algunos de sus actores // Sombras de mayo. Mitos y memorias de la Guerra de la Independencia en España (1808-1908). Madrid, 2007. P. 45–47.

¹¹ Portillo J.M. Entre la monarquía y la nación: cortes y constitución en el espacio imperial español // Portillo J.M., Veiga X.R., Baz M.J. A guerra da Independencia e o primeiro liberalismo en España e América. Santiago de Compostela, 2009. P. 133–137; López-Portillo, R.P. La España de Riego. Madrid, 2005. P. 223–229.

¹² Парадоксально, но, несмотря на то, что число исследований выросло в связи с двухсотлетним юбилеем этой войны, в современной Испании подобный мифический образ до сих пор превалирует, как я узнала от Хосе Мари Портилло, которого и благодарю за предоставленные сведения. Conde de Toreno. Historia del Levantamiento, Guerra y Revolución de España (1836). Pamplona, 2008. Appendix.

целью подчеркнуть испанский патриотизм, проявленный в борьбе против «французского врага».

Государственная политика превознесения военных заслуг проводилась таким вот образом в течение длительного времени после 1814¹³, что привело к стиранию в коллективной памяти любых воспоминаний о какой бы то ни было форме дружеских отношений с французами¹⁴. Так было с испанскими солдатами, которые хотели продолжить службу в армии после окончания этой войны: им предстояло доказать, что они яростно сражались против французов¹⁵. Тех же, кто оказались пленниками Наполеона, уволили из армии сразу по их возвращении в Испанию. Во многих случаях это происходило просто потому, что они, как подозревалось, заразились либеральными идеями в ходе общения с французами.

Французы глазами испанских военнопленных

На протяжении пяти лет я изучала, как на восприятие врага испанцами влияло их нахождение в плену. Жизнь, которую пленники вели во Франции, практически неизвестна нам из-за того, что официальная политика замалчивания этой стороны войны препятствовала ее изучению. Однако общение пленных, находившихся во Франции, с местным населением зачастую превращало изначальный образ французов как врагов в образ друзей. Пребывание во Франции на протяжении нескольких лет (с 1809 г. по 1814 или даже по 1816 г.) нередко вело к прекращению враждебности и установлению дружеских связей¹⁶.

О ком идет речь? О тысячах испанских военнопленных, вывезенных во Францию. По подсчетам Грегорио Мараньона их было 100 тыс.; Жан Рене Эм полагает, что не меньше 50 тыс. Из одной только Сарагосы в феврале 1809 г. во Францию были отправлены

¹³ Zozaya M. Entre el secreto privado y la luz pública. La acción de las vicisitudes conmemorativas en el diario personal de un ingeniero // VIIIth Congress Doceañista, Dos siglos llaman a la puerta. Cádiz, University, 13 March 2012.

¹⁴ Halbwachs M. La mémoire collective. P., 1967.

¹⁵ Логика, которой они должны были следовать, может быть уподоблена логике шекспировского Гамлета – как можно «быть» жертвой и «не быть» трусом: «Достойно ль // Смиряться под ударами судьбы, // Иль надо оказать сопротивление // И в смертной схватке с целым морем бед // Покончить с ними?». Гамлет. Акт третий. Сцена первая. Пер. Б. Пастернака.

¹⁶ На мой взгляд, этот положительный опыт не мог оказать влияния на коллективную память отчасти потому, что сами пленные его скрывали, опасаясь реакции властей. Особенно это было характерно для эпохи правления Фердинанда VII до самой его смерти, а также позже, поскольку официальный взгляд на те события превозносил патриотизм, проявленный в борьбе против французского врага. Zozaya, M. Entre el secreto privado...

12 тыс. пленных¹⁷. За этой цифрой скрывается множество индивидуальных судеб. 10% их содержалось в крепостях, другие 10% бежали, но оставшиеся 80% были практически свободны в своих передвижениях. На мой взгляд, по крайней мере, 50% из них изменили свое мнение о французах, как о врагах, и стали считать Францию дружественной страной.

Источники, на которые я опираюсь, это – дневники, отдельные записи личного происхождения и истории жизни. Основной источник моего исследования – дневник второго лейтенанта Хосе Марии Романа¹⁸. Он и его товарищи инженеры активно участвовали в обороне Сарагосы (1808–1809). После поражения в феврале 1809 г. они оказались в плену. С 1809 по 1814 гг. они находились в Нанси, а в январе 1814 г. были переведены в Кодебек. В апреле некоторые из них бежали в Испанию, а другие оставались во Франции до 1816 г., после чего вернулись на родину. То есть, они провели от пяти до семи лет в иностранном государстве, которое изначально считали вражеским.

Однако за годы плена во Франции между французами и испанцами нередко возникали отношения взаимовыручки и дружбы. Это оказалось возможно во многом благодаря способу размещения пленных¹⁹. Их селили в казармах, предоставляя определенную свободу передвижения. Они также могли по договоренности селиться у местных жителей, обычно за выполнение каких-либо работ. К пленным относились со столь большим доверием, что у некоторых даже возникало чувство свободы: на мой взгляд, из-за той свободы мысли, которой они обладали во Франции и которая была невозможна в Испании Фердинанда VII, отданной во власть инквизиции²⁰.

Именно так и было в случае с Хосе Марией Романом и несколькими его товарищами, солдатами и военными инженерами, взятыми в плен. Они прибыли в Нанси в феврале 1809 г. и были помещены в казармы²¹. Поскольку они могли свободно перемещаться по городу и, принадлежа

¹⁷ *Aymes, J.-R.* La guerra de la Independencia, 1808–1814: calas y ensayos. Madrid, 2009. P. 461–462.

¹⁸ *Zozaya M.* Viaje y prisión del Ingeniero José María Román durante la guerra de la Independencia. Madrid, 2008.

¹⁹ *López G.* Crimen y castigo. Cárceles, delito y violencia. Madrid, 2003. См. также *Martínez-Radio, E.* Campesinos y cautivos en la Guerra de Sucesión y el ejemplo de Almansa a Asturias // Campo y Campesinos en la España Moderna. T. 2. León, 2012.

²⁰ *Zozaya M.* Prisionero en Libertad // Experiencia y memoria de la revolución. Cádiz, 2011. P. 185–187.

²¹ *Zozaya M.* Armas, alimentos, casacas y casernas. Vida cotidiana en tiempo de Guerra y prisión // Homenaje a Domínguez Ortiz. В печати.

к высококвалифицированной элите, обладали тягой к духовным ценностям, то в скором времени стали завсегдатаями университета и публичной библиотеки. Многие из них установили дружеские отношения с жителями Нанси и начали селиться по домам, принадлежавшим преимущественно интеллектуалам.

Хосе Мария Роман рассказывает, что уже на второй или третий день пребывания в Нанси он познакомился в публичной библиотеке с профессором Бло, с которым начал обмениваться уроками испанского и немецкого языков. С 10 июня 1809 г. он и подполковник Хосе Наварро²² поселились в доме Бло и жили там до 19 апреля 1814 г. За эти пять лет между ними установились крепкие научные, рабочие и дружеские отношения.

Как было принято в то время, дружеские узы привели к налаживанию и различных социальных связей²³. Прежде всего в сфере науки. Хосе Мария Роман вошел в круг интеллектуальной элиты Нанси: его друг профессор Жан Бло позволил ему посещать закрытые университетские занятия по физике. Кроме того, он свел его с Ламоре и Мольваном, преподавателями соответственно изобразительных искусств и истории²⁴.

Жан Бло обучал Хосе Марию Романа немецкому языку, пока тот не освоил искусство перевода. Кроме того, пишет Роман, Бло «настаивал на моем обучении греческому языку, и дал мне много уроков по этому предмету»²⁵. Благодаря этим занятиям двадцать лет спустя Роман составил греческую грамматику. Во введении к этой работе он признавал значение своего пребывания в плену, когда «военная удача привела меня во Францию как пленника с Плаза-де-Сарагоса»²⁶.

Профессор Бло также нашел работу Хосе Марии Роману. Последний рассказывает, что когда в феврале 1812 г. французское государство сократило выплаты пленникам, «оставив им лишь необходимое для того, чтобы не умереть с голоду», Бло нашел ему скромную, но постоянную работу: копировать планы земельного кадастра. Но эта работа испанцу не понравилась: она, пишет Роман, занимала все время «в ущерб моим исследованиям, и тогда он [Бло] нашел мне другую работу – давать уроки латинского языка его знакомым, а в первую очередь, своим детям»²⁷.

²² О нем см.: *Sala M.* Obelisco histórico en honor... P. 152–153.

²³ *Mercklé P.* Sociologie des réseaux sociaux. P., 2004. См. также: *Imizcoz J.M.* Actores, redes procesos: reflexiones para una historia más global // *Revista da Faculdade de Letras. História V.* 2004. P. 115–140.

²⁴ *Zozaya M.* Viaje y prisión del Ingeniero... P. 99–102.

²⁵ *Ibid.* P. 99.

²⁶ *Román J.M.* Nueva gramática griega. I, I. Madrid, 1832.

²⁷ *Zozaya M.* Viaje y prisión del Ingeniero... P. 102.

Не удивительно, что Хосе Мария Роман называл Жана Бло «мой друг господин Бло»²⁸. Прощаясь с ним в январе 1814 г., Роман был «уверен, что оставляет в Нанси настоящего друга, которому всегда будет благодарен». Более того, Роман посвятил ему несколько проникновенных строк, выразив свое восхищение его душевными, нравственными и научными достоинствами:

«Хотя он выглядит простым человеком, тем не менее господин Бло соединяет в себе добродетельные качества души с глубокими познаниями: его владение греческим языком великолепно, а латинским и немецким чрезвычайно хорошо; у него обширная эрудиция и прекрасное знание древней географии, античной истории и т.д. Истинный христианин и любящий отец большой семьи, которой он дает превосходное образование; учитель, который заботится о своих учениках и делает все возможное, чтобы найти место друзьям, господин Бло является одним из самых достойных уважения людей, которого, узнав, не возможно не полюбить»²⁹.

Подобные дружеские отношения с местными жителями, ставшие результатом краткосрочного или долгосрочного общения, возникали и у других пленников. Порой это вело к возникновению близких личных связей, сохранявшихся на протяжении долгого времени, как, например, в случае с тем же Хосе Марией Романом, который стал крестным отцом младшей дочери Бло, зарегистрированной в Нанси под именем Анны Марии Мадлен³⁰. Об этом Роман пишет в своем дневнике:

«У Бло родилось пятеро детей, пока я жил в его доме, вдобавок к уже имевшимся шести, так что их семья была поистине большой [...]. Я стал крестным отцом его младшей дочери, родившейся в январе 1813 г., а в душе считал своими крестниками и своих учеников Хосе, Адольфо (первого ребенка, который был рожден при мне) и последовавшего за ним Феликса»³¹.

²⁸ Ibid. P. 103.

²⁹ Ibid. P. 102.

³⁰ Ее имя было Анна Мария Мадлен, и по документам Роман был записан как военнопленный: «Жозеф Мария Роман, офицер испанских инженерных войск, военнопленный, зарегистрированный в этом городе, 28 лет». Archives Départementales de Meurthe et Moselle. Etat civil. Naissances. Nancy. 5 Janvier 1813. Я очень благодарна Одиль Бушю, которая нашла этот документ и сообщила мне о нем.

³¹ Ibid. P. 102–103.

Такие же отношения, основанные на совместной работе, дружбе и братстве (каковое, на мой взгляд, могло быть результатом масонских связей³²), сложились у Романа и с тем человеком, у которого он поселился, когда был перемещен в другой город. 5 января 1814 г. он и его товарищи уехали из Нанси в нормандский город Кодебек. Сразу по приезде, 7 февраля, Роман поселился у некоего Ле Сажа, о котором позднее скажет, что находится «у него в большом долгу» из-за исключительно доброго отношения хозяина к пленнику. Между ними завязалась крепкая дружба, и Ле Саж старался помочь своему гостю как только мог. Эта дружба приняла форму протекции, которую Ле Саж оказывал и товарищам Романа даже ценой собственной безопасности. Когда пленные получили приказ о перемещении 2 апреля в Кан, Ле Саж, зная, что союзники уже взяли Париж, «настоял на том, чтобы спрятать его [Романа] в своем доме до тех пор, пока ситуация окончательно не определится. Когда я ему сообщил, что не могу бросить своих друзей, он проявил великодушие и разместил также их»³³. Жизни Ле Сажа угрожала бы опасность, если бы обнаружилось, что он скрывает военнопленных. Подобный его поступок свидетельствует о высокой степени сплоченности, дружбы и идеологической близости между ним и пленными. Он оказал пленникам и финансовую поддержку, когда в апреле они бежали в Париж:

«Когда щедрый месть Ле Саж понял, что у меня нет денег, он заставил меня взять с собой восемь луидоров. Я буду вечно благодарен ему, а также его жене и брату за поддержку и превосходное содержание в его доме»³⁴.

Эти слова говорят о дружеских отношениях, существовавших между некоторыми из этих военнопленных и жителями городов, куда их отправляли. Это же подтверждается многочисленными свидетельствами, собранными Жаном Рене Эймсом относительно перемещенных лиц, а также частными записями пленных, например, сержанта Браулио Фоса, который содержался в период с 1810 по 1814 гг. в городе Васи (департамент Верхняя Марна). Условия жизни Фоса там были хорошими, благодаря свободе передвижения, которую он получил, и доброте местных жителей. Он

³² Масоны подписывались тремя точками, расположенными равнобедренным треугольником (символ братства), или их эквивалентами, например, тремя линиями. Наполеон легализовал масонство, поэтому в то время было безопасно как быть масоном, так и говорить о духе свободы и братства. Когда Блю зарегистрировал в Национальном бюро записи актов гражданского состояния в Нанси рождение своей дочери, в его подписи присутствовал этот масонский знак. Archives Départementales de Meurthe et Moselle. Etat civil. Naissances. Nancy. 5 Janvier 1813.

³³ Ibid. P. 123.

³⁴ Ibid.

изучил греческий язык и педагогические методики, которые он позже использовал в ряде своих публикаций, вышедших в Испании. В конце войны Фос писал, что французы провожали его «с большим сожалением»³⁵. Он считал это прямым свидетельством их дружбы. Можно предположить, что у других пленников также существовали хорошие отношения и дружеские связи с французами. Особенно это характерно для образованных людей, но я могу также привести примеры Хосе Эспелета в Монпелье, маркиза Амариаса, Хоакина Блэйка в Сомюре (после пребывания в Венсенском замке), или Хосе Кортинеса Эспиноса де лос Монтероса, который позже стал членом Ордена Почетного легиона³⁶ и многих других, которые еще предстоит изучить.

Скрываемая дружба, хорошие друзья в частной жизни

Отсутствие чувства вражды у испанских военнопленных по отношению к французам во время пребывания во Франции вполне понятно. Если же вражда и проявлялась, то это обычно было вызвано несправедливым или жестоким отношением, в основном, со стороны военачальников. Чувства дружбы и взаимовыручки между французами и их испанскими пленниками в целом были обоюдными. Однако после возвращения в Испанию о подобных отношениях приходилось помалкивать. Если бы о них узнали в 1814 г. в Испании, то сочли бы чем-то «подозрительным» и «профранцузским», а то и вовсе признав изменой.

Несходство личного опыта и официальной версии вынуждало пленных скрывать память о дружеских отношениях с французами. Ни один из соответствующих эпизодов, описанных Хосе Марией Романом в его частном дневнике, не зафиксирован в официальных источниках. В официальном рапорте Роман упомянул о периоде своего пребывания в плену одним предложением: «Был в плену со 2 мая упомянутого года до конца мая 1814 г.»³⁷. Аналогичным образом, в 1816 г. в своем ходатайстве о награде за военные заслуги он отметил, что имел «медаль, которую вручали пленным, сбежавшим из французских лагерей»³⁸. Другими словами, в официальных источниках не упоминалось о приобретенном во Франции жизненном опыте и

³⁵ *Ballesté J.* Algunos aspectos de la influencia francesa en la vida y obra de Braulio Foz (1791–1865) La imagen de Francia. P. 153–154.

³⁶ *Borja Medina F.* José de Ezpeleta, Gobernador de la Mobila. Sevilla, 1980. P. LXVII–LXIX. Archives Nationales site de Paris; Fonds de la Légion d'honneur aux archives nationales; Commandeur de l'ordre Royal de la Légion d'honneur : LH/596/36, 8 Janvier 1841. *Girón P.A.* Recuerdos (1778–1837). Navarra, 1981. P. II; *Benavides N.* El capitán General don Joaquín Blake Joyes. Madrid, 1960. P. 509–510. См. также: *Aymes J.R.* La guerra de la Independencia. P. 470–473.

³⁷ Archivo General Militar de Segovia [AGMS]: Legajo R.2757, nº 28514.

³⁸ AMZ: 28-1/79 (11), 1821–1822.

умалчивалось о дружбе с французами. Пребывание Романа в плену объясняет и то, почему награда не была вручена ему до 1821 г., то есть до наступления Либерального трехлетия в истории Испании (1820–1823 гг.)

Разрушение образа врага

Так я назвала бы следующую стадию в дружеских отношениях, возникших между испанскими пленниками и французскими гражданами, когда они сделали еще один шаг навстречу друг другу. Очевидно, некоторые из французов считали дело испанцев справедливым, в отличие от действий Наполеона, который разрушал французскую экономику и уменьшал население, призывая его под ружье. Они рассматривали пленников как равных себе, и своими действиями порицали имперскую политику Наполеона. Французы объединяли силы с испанцами и поддерживали их, как финансово и морально, так и обеспечивая им трудоустройство. Складывается ощущение, что французы и сами считали Наполеона врагом, а испанских заключенных друзьями. Браулио Фос вспоминал о том, как у французов наворачивались слезы на глаза, когда он уезжал. Местные жители постоянно поддерживали Хосе Марию Романа и его товарищей, относясь к ним с добротой, и снабдили их провизией и деньгами, когда те уезжали. Они укрывали Романа и его товарищей, чтобы помочь им избежать очередной тюрьмы, куда их должны были отправить по приказу Наполеона. При этом они рисковали жизнью (что можно считать вариантом Стокгольмского синдрома). Наряду с этой практической помощью они также иногда оказывали поддержку их делу в письменной форме, поскольку они считали его справедливым.

Таковой была позиция Академии Нанси – «Королевского общества науки, литературы и искусств», официально выраженная на открытом заседании 14 августа 1814 г. В ходе зачитывания некрологов профессор Ламуре сделал отступление, упомянув об «испанских военнопленных в Нанси» (хотя они уже уехали оттуда 4 января 1814 г.). Он признал их заслуги и подчеркнул уважение к ним, а также отметил несправедливость войны на Пиренейском полуострове:

«Храбрые испанцы [...]; которым наш гостеприимный город предлагал не только утешение, которого они заслуживают, но также и все средства для удовлетворения самой благородной из страстей, то есть обучения; наша библиотека и университет являлись для Вас убежищем, которое было всегда открыто, чтобы помочь Вам забыть несправедливость судьбы!»³⁹

³⁹ Буллетень « Société Royale des Sciences, Lettres et Arts ». Nancy, 1816-1818. P. 19-20.

Это признание, равно как и действия французов, укрывавших или поддерживавших пленных, демонстрирует отсутствие ненависти между французскими и испанскими военными и интеллектуалами. Более того, дело испанцев поддерживалось, поскольку считалось правым, а отношение французского государства к ним – несправедливым. Благодаря этому было достигнуто единение в процесса, который можно было бы назвать «разрушением образа врага», когда французы рассматривались в качестве друзей и относились также к испанцам, поскольку сами не были согласны с политикой Наполеоновского государства.

Кто же был врагом в действительности?

Мы рассмотрели исторический сюжет, который до недавнего времени был изучен недостаточно: историю военнопленных. Мы проанализировали, каким образом французский враг стал другом в глазах испанского пленного. Сходным образом, французы полагали, что развязанная Наполеоном война несправедлива и помогали испанцам. Во многих случаях они доказывали это и словом, и делом, устанавливая многочисленные контакты с военнопленными. Они всячески поддерживали последних, размещая их в своих домах и устанавливая с ними дружеские связи через библиотеки и университеты.

К сожалению, вплоть до сегодняшнего дня превалировало стремление скрыть эти связи, выдвигая на первый план тему противоборства наций. В историографии дружеские отношения между французами и испанцами замалчивались, потому что подобные факты противоречили национально-патриотическому взгляду на историю. Тем не менее, в будущем исследователям предстоит заполнить эту лакуну. При рассмотрении подобных случаев мы видим, что граница, которая вначале казалась непреодолимой, оказывалась на самом деле гораздо менее строгой, чем можно было бы предположить. А порою она и вовсе исчезала. Причиной тому была духовная близость между интеллектуалами разных национальностей, боровшихся против несправедливости и поддерживавших справедливые цели.